

Н. Д. Зенинъ и еп. Михаилъ.

Мы ждемъ послѣдняго откровенія.

„Близокъ часъ, когда люди, не приѣмлющіе этого міра, будутъ судорожно искать и найдутъ новый“. Такъ говорилъ еп. Михайль въ 1910 г.

Готовьтесь же, братья! Близокъ день встрѣчи со Христомъ нашимъ Исусомъ.

Киръ Михайль епископъ Канадскій.

27 октября въ 1 ч. 30 м. пополудни скончался въ больницѣ Рогожскаго кладбища Киръ Михайль епископъ старообрядческой, Канадскій.

Неисповѣдимы пути Божіи. Трудно предположимое, или даже нѣчто чудесное, хотя и прискорбное, привело Киръ Михаила умереть въ главномъ центрѣ старообрядческаго міра. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что Киръ Михайль былъ изгоемъ не только господствующихъ, гдѣ онъ былъ выдающимся въ свое время профессоромъ Академіи, но и среди старообрядчества, которое въ немъ страшно нуждалось какъ въ ученномъ мужѣ, глубоко вѣрующемъ во Христа и Его Церковь, и бѣдномъ людьми подобнаго рода, а тѣмъ болѣе онъ былъ чуждъ людямъ, населяющимъ Рогожское кладбище и управляющимъ дѣлами его. Тамъ его чуждались не только духовные, но и міряне, что стоять во главѣ жизни старообрядчества бѣлокриницкой іерархіи. Тамъ его, попросту, считали еретикомъ, вольнодумомъ, человекомъ религиозно старообрядчеству вреднымъ и, во всякомъ случаѣ, нежелательнымъ. Считали его человекомъ старообрядчеству не принадлежащимъ, а если и принадлежащимъ, то неискренне, лицемерно, или, такъ сказать, — въ видахъ своихъ.

Оттуда, черезъ соборы боголюбивыхъ епископовъ нашихъ, направлялись гоненія на этого мужа терпѣнія, оттуда летѣли стрѣлы, отравленныя ядомъ — болѣзненно язвившія душу праведника. И вотъ воля Провидѣнія привела его умереть именно тамъ, и именно тамъ Провидѣніе заставило заботиться о его послѣднихъ дняхъ и погребеніи, и тѣхъ именно, кто менѣе всего на это былъ готовъ. Богъ Своими неисповѣдимыми путями, намъ непонятными, далъ возможность покойному и въ послѣдніе часы жизни доказать отрицателямъ его искренней принадлежности къ старообрядчеству, что они жестоко ошибались въ своихъ понятіяхъ о немъ.

Это поистинѣ дивно!.. Жилъ Киръ Михайль гонимый отъ нашего общества — вдали отъ насъ, то въ Финляндіи, то въ Симбирскѣ, а то, гонимый даже и государствомъ, — за границей. Далекъ, далекъ! То въ славянскихъ, а то и въ нѣмецкихъ земляхъ. Жилъ, находя прибѣжище у священника церкви господствующей — которую онъ покинулъ осудивъ, какъ церковь связанную государствомъ въ свободѣ своей. Въ Берлинѣ, у покойнаго протоіерея Мальцева, долгое время спасался онъ отъ кары, которою ему грозило

наше правительство. Человѣкъ, религіозныя убѣжденія котораго онъ несомнѣнно обидѣлъ своимъ уходомъ въ старообрядчество, человѣкъ—состоящій на службѣ государства, далъ ему пріютъ и укрывалъ какъ-бы государственнаго преступника (конечно, мнимаго) отъ законной кары, а мы его гнали, и гнали до мученической смерти, и все-таки *умирать онъ пришелъ къ намъ*. Къ намъ, добившимъ его нравственно и загнавшимъ его къ дикимъ людямъ, что доби́ли его тѣлесно. Къ намъ онъ пришелъ умирать, чтобы доказать, что душа его, несмотря ни на что, предана была только нашей святой Христовой церкви, которую онъ искренно позналъ за истинную, къ которой онъ воссоединился и которой хотѣлъ послужить онъ, *всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣми способностями своими*.

Не знаю, поймутъ-ли это дивное событіе наши доморощенные фарисеи, такъ, какъ понять его надлежитъ, и раскаются-ли они въ своихъ жестокихъ поступкахъ по отношенію къ этому святому человѣку, но намъ это до очевидности ясно. Мы нынѣ еще болѣе любимъ этого святителя-праведника, воочію, кончиною своею, доказавшаго намъ свою искреннюю принадлежность къ церкви Христовой—старообрядствующей. И горько мы плачемъ, что неудалось намъ при жизни его отвоевать у фарисеевъ нашихъ права его на руководство народомъ. Это невыносимо намъ больно... Одно только насъ утѣшаетъ, это то, что и самъ онъ исповѣдывалъ, что принципъ „въ борьбѣ сбрѣтешь ты право свое“, не нашъ принципъ, нехристіанскій. Принципъ чуждый намъ. Мы говорили. Насъ не понимали и не хотѣли понять. Не хотѣли? — Ну, и Богъ съ ними. Пусть живутъ такъ, какъ имъ кажется лучше...

Это единственное наше утѣшеніе.

Судьба покойнаго Киръ Михаила—это судьба Златоустаго. Тотъ былъ святы, нелицепріятенъ, правдивъ, смиренъ и незлобивъ; таковъ былъ и этотъ. Того гнали свои-же собратья архіереи, и этого. Того гнали какъ политически вреднаго, какъ еретика, и этого тоже — архіереи и государство. Тотъ окончилъ земной путь свой мученической кончиною — гонимый отъ мѣста на мѣсто; и этотъ также. Тотъ благодарилъ Бога за все; и этотъ.

Они, эти святители, по своему складу души были созданы не для міра. О нихъ вполне можно сказать словами поэта:

„Творецъ изъ лучшаго эфира

„Создалъ живыя струны ихъ.

„Они не созданы для міра

И міръ былъ созданъ не для нихъ“...

Да, именно, живыя струны ихъ души не созданы для этого грубаго міра. Имъ нѣтъ мѣста въ мірѣ жестокой борьбы за существованіе. Они не способны на эту борьбу, а потому и вышли изъ міра.

Напомнимъ нашимъ читателямъ жизнь этого праведника, и они сами убѣдятся, что дѣйствительно ему не было мѣста на землѣ среди грубыхъ людей и что гонители его были жестоко неправы.

Владыко Михаилъ былъ восторженнымъ юношей. Въ пору всеобщаго разложенія нравовъ, безбожія, безвѣрія и безцерковности, онъ сумѣлъ сохранить себя отъ пороковъ юности и всею душою любилъ Бога, Христа и Его божественное ученіе не только въ широкомъ христіанскомъ смыслѣ, но и выражаемое церковью въ ея догматахъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Въ ту пору, когда всѣ учебныя заведенія Россіи шеголяли безбожіемъ, безвѣріемъ, религіознымъ и политическимъ анархизмомъ, владыко Михаилъ, будучи архимандритомъ церкви господствующей и преподавателемъ духовныхъ наукъ въ Петроградской Духовной Академіи, вель совершенно противоположную линію и съ огромнымъ успѣхомъ. Онъ проповѣдывалъ, читалъ всенародно, писалъ и спорилъ на диспутахъ; привлекая человѣчество къ христіанству. Онъ звалъ молодежь отъ холоднаго безбожнаго социализма, проповѣдывавшагося въ ту пору съ такою яростью, къ социализму христіанскому. То-есть, въ тому устройству общественной жизни, которая намъ заповѣдана Христомъ. Отъ социализма—насильно распредѣляющаго богатства, онъ звалъ къ социализму доброй воли въ отдачѣ другому того, что у тебя есть и чего нѣтъ у другого. Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго распространенія этихъ призывовъ, онъ выпустилъ чуть-ли не до сотни брошюръ подъ общей предпосылкою — „Свобода и Христіанство“, и брошюры эти широко расходились. Эта его кипучая дѣятельность быстро создала ему имя, но зато обратила на него вниманіе и темныхъ силъ, которымъ эта его свѣтлая дѣятельность не нравилась. И силы эти стали на пути его стремленій—становя ему всевозможныя препятствія.

Въ простотѣ сердечной въ началѣ онъ этого не понималъ, а потомъ,—когда на него эти силы наложили свою тяжелую руку, онъ увидѣлъ, что онъ ведетъ свое дѣло религіознаго обновленія въ такой средѣ, въ которой это его дѣло недопустимо. Т.-е., онъ понялъ, что церковь господствующая, какъ связанная союзомъ съ гражданскимъ государствомъ въ видахъ интереса этого государства, не можетъ допустить его дѣятельности, ибо эта его дѣятельность идетъ въ разрѣзъ съ интересами государства. Появъ это, онъ рѣшилъ, что ему необходимо уйти изъ этой церкви. Уйти, возсоединиться съ церковью свободною, и тамъ проявить свои способности на обновленіе человѣческаго общества въ христіанской жизни.

Нужно сказать, что въ ту пору великихъ ожиданій, онъ былъ не одинокъ въ своихъ стремленіяхъ. Въ средѣ духовенства господствующей церкви образовалась большая группа священниковъ—такъ называвшихся тогда „обновленцевъ“. Группа эта замышляла нѣчто крупное въ смыслѣ обновленія церковной жизни. Такое-же движеніе къ обновленію церковной жизни на почвѣ свободы церкви отъ государства, на почвѣ истинной христіанизации церковной жизни, обнаружилось тогда-же и въ Канадѣ (Сѣверная Америка) среди христіанъ восточнаго исповѣданія. Христіане эти по своей религіозной совѣсти не могли войти въ общеніе съ канадскими церквами католической и англиканскою, считая ихъ еретическими, а отъ русской синодальной

и греческой, съ нею союзнической, хотѣли отдѣлиться потому, что онѣ утратили свою религіозную свободу связью своею съ гражданскимъ государствомъ, такъ сказать, продали свое духовное первородство за государственное покровительство имъ и пошли за эту, своего рода, „чечевичную похлебку“, въ услуженіе къ государству. Христіане эти, въ числѣ около 63 приходовъ, хотѣли войти въ общеніе съ нашею святою Христовою церковью—восточнаго древняго обряда, церковью, свободною отъ союза съ государствомъ. Они просили дать имъ священнослужителей, книгъ, церковной утвари и учредить ихъ приходы въ согласіи и единеніи съ древнею восточною церковью.

Какъ разъ такого рода стремленіе преслѣдовалъ и Киръ Михаилъ, тогда еще архимандритъ.

Къ этому-же движенію были склонны и, вообще, всѣ „обновленцы“.

Киръ Михаилъ обратился къ епископу нашему, Киръ Иннокентію Нижегородскому, съ просьбою о воссоединеніи его со святою церковью старообрядствующею, и былъ принятъ имъ въ лоно ея.

При присоединеніи Киръ Михаилъ искренне оговорился, что исповѣдуя святую Христову церковь старообрядствующую во всѣхъ догматахъ ея, обрядахъ и обычаяхъ истинно православною, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что при единеніи въ догматахъ возможна допустимость нѣкоторой разности въ обрядахъ и просилъ позволить ему не считать строго обязательными для него, а главное — для другихъ, что имѣютъ войти въ единеніе съ нами вслѣдъ за нимъ, обряды старыя. Т.-е., сказать другими словами, онъ находилъ полезнымъ допустить нѣкоторую свободу разности въ обрядахъ.

Не знаю, совѣтовался-ли Киръ Иннокентій съ кѣмъ-либо изъ соепископовъ по этому вопросу, или нѣтъ, но свободу эту онъ допустилъ. Это и было выражено Киръ Михаиломъ въ его исповѣданіи при воссоединеніи.

Такая терпимость къ разности въ обрядѣ вполне допустима. Это намъ доказываетъ и исторія церкви и повседневная наша собственная жизнь: у насъ обряды и обычаи и понынѣ весьма различны на пространствѣ разселенности церкви по лицу земли. Слѣдовательно, бѣды тутъ нѣтъ.

Я выше сказалъ, что я не знаю о томъ, совѣтовался-ли Киръ Иннокентій по этому вопросу съ кѣмъ-либо изъ соепископовъ, или нѣтъ, — но я знаю, что онъ совѣтовался объ этомъ съ извѣстнымъ нашимъ апологетомъ Ѳ. Е. Мельниковымъ и протоіер. о. А. Старковымъ. И они это одобрили, усматривая въ этомъ большую пользу для церкви Христовой.

И, по существу, это дѣйствительно такъ.

Вотъ на такихъ-то основаніяхъ и вошелъ въ единеніе со св. Церковью покойный Киръ Михаилъ.

Прямая, чистая душа и дѣйствовала прямо и открыто.

Все его стремленіе было направлено исключительно къ дѣланію на пользу св. Церкви.

Когда стало извѣстно, что канадскіе приходы желаютъ имѣть священ-

ника отъ нашей св. Церкви, то немедленно и явилась мысль, чѣмъ послать въ Канаду священника, лучше послать туда епископа, который, пріѣхавъ на мѣсто, наставитъ себѣ сослужителей въ потребной мѣрѣ изъ самихъ-же канадцевъ, по ихъ избранію. Мысль, такъ же, безусловно вѣрная. А за нею само собою вытекло, что ужъ если послать туда человѣка на такой важной постъ, такъ ужъ надо послать такого человѣка, который дѣйствительно былъ-бы на мѣстѣ. Человѣкъ тамъ долженъ быть образованный и свѣтски и богословски, могущій дѣлать дѣло съ мѣстнымъ правительствомъ, могущій вліять на образованную среду и своими познаніями и своею религіозностью. Ясно, что такимъ человѣкомъ изъ нашей среды только и могъ быть одинъ архимандритъ Михайль.

Вотъ почему епископъ Иннокентій, въ руки котораго пошла просьба канадцевъ, и пришелъ къ рѣшенію послать въ Канаду именно его, предварительно рукоположивъ его въ епископа.

Такъ какъ дѣло не терпѣло отлагательства, ибо успѣхъ предпріятія зависѣлъ исключительно отъ быстроты дѣйствія, то ходатайствовать о рукоположеніи архимандрита Михаила въ епископа соборно не было времени, ибо это дѣло оттянулось-бы по меньшей мѣрѣ на годъ, а поэтому Киръ Иннокентій и рѣшилъ, вопреки правилъ, рукоположить его единолично.

Правда, если разсуждать строго канонически, то дисциплина Церкви этимъ поступкомъ нарушалась, но такъ какъ всѣ правила Церкви созданы исключительно для предупрежденія дѣяній, направляемыхъ во вредъ святой Церкви злою волею, то само собою разумѣется, что въ этомъ дѣяніи епископа Иннокентія собственно преступленія не было, ибо намѣренія его были направляемы только на пользу св. Церкви, а не на вредъ. Не было преступленія и со стороны принимавшаго рукоположеніе, такъ какъ онъ ничего лично не домогался для себя, а только стремился принести пользу Христу и Его св. Церкви.

Нарушеній такого рода церковной дисциплины въ исторіи св. Церкви можно указать десятки, если не сотни, и кары за такія нарушенія не всегда примѣнялись св. Церковью, а напротивъ, зачастую одобрялись и именно за то, что этими нарушеніями дисциплинарнаго порядка достигалась польза для Церкви. Это-же должно-бы было имѣть мѣсто и здѣсь.

Попутно, пожалуй, можно прибавить, что въ дѣлѣ этого единоличнаго рукоположенія, была еще и другая косвенная причина, кромѣ того, что надо было спѣшить съ этимъ дѣломъ, но это уже если и было, то лично Киръ Иннокентіево преступленіе (если только это преступленіе), Киръ Михайль ничего объ этомъ не зналъ, не зналъ онъ этого и по самую смерть свою. Да и вообще это намѣреніе еп. Иннокентія до сихъ поръ доподлинно извѣстно двумъ-тремъ лицамъ — не больше. Это было намѣреніе послужить неправдою—правдѣ. Намѣреніе скопированное очевидно съ дѣяній гг. Субботинныхъ, оо. іезуитовъ и, вообще, миссіонеровъ. Это предполагалось по принципу:—цѣль оправдываетъ средства. Въ чемъ это намѣреніе заключа-

лось—я не нахожу нужнымъ объяснять. Я думаю, что и потомъ найдутся люди, что додумаются до него и когда-либо используютъ.

Осуждать за это намѣреніе я не берусь, хвалить тоже, но думаю, что дѣло Христа не нуждается въ приемахъ подобнаго рода.

Получивъ это рукоположеніе Киръ Михаилъ поспѣшилъ отправиться въ Канаду.

Поѣхалъ онъ не прямо въ Канаду черезъ Германію или Францію, но нашель нужнымъ сначала посѣтить Константинополь, Грецію, и тамъ осведомиться лучше о положеніи дѣлъ въ Канадѣ, такъ какъ въ Канадѣ въ ту пору былъ какой-то архіерей, якобы посланный туда греческимъ или константинопольскимъ Синодомъ, и изгнанный оттуда паствою, какъ самозванецъ.

Денегъ у Киръ Михаила было немного, но онъ имѣлъ получить ихъ отъ Совѣта Всероссійскихъ Съѣздовъ Старообрядцевъ за составляемый имъ учебникъ по Закону Божию для старообрядческихъ училищъ. Съ дороги, гдѣ онъ его окончилъ, рукопись учебника онъ доставилъ Совѣту Съѣздовъ и указалъ послать заработанныя имъ деньги во Францію, въ г. Гавръ, гдѣ онъ садился на корабль, чтобы отплыть въ Америку.

Но въ эту пору здѣсь въ Россіи случились событія, которыя рѣшили участь этой поѣздки по-своему или, точнѣе пожалуй будетъ сказать, вообще по-нашему, по-русски. Кто-то, гдѣ-то въ Петроградѣ на верхахъ, получилъ выговоръ за то, что старообрядцы приняли архимандрита Михаила и возвели его въ епископы, а потому, молъ, они недостойны поощренія въ достиженіи правъ, а наоборотъ, всяческаго стѣсненія.

Эти люди произвели гдѣ надо давленіе и Совѣтъ Съѣздовъ денегъ еп. Михаилу не послалъ.

Этотъ моментъ и былъ роковымъ въ цѣлой жизни еп. Михаила.

Кромѣ того, что еп. Михаилу пришлось голодать въ Гаврѣ и проводить ночи въ ночлежкѣ, онъ вынужденъ былъ вернуться въ Россію.

Какъ онъ оттуда выбрался домой, я хорошенько не знаю, но домой онъ попалъ, а здѣсь его ждалъ судъ собора и запрещеніе.

Это, конечно, не могло не отразиться на его душевномъ настроеніи. Но еще не столько то, что онъ былъ запрещенъ къ священнослуженію, сколько тѣ отношенія, съ которыми къ нему отнеслись верхи старообрядчества.

Вину свою (что онъ рукоположенъ единолично, безъ воли собора) онъ признавалъ, признавалъ и необходимость подчиненія постановленію собора, но глубоко протестовалъ онъ противъ тѣхъ нападокъ на него, тѣхъ исканій за нимъ не существующихъ ересей, которыя потомъ посыпались на него въ изобиліи. Онъ мало отвѣчалъ на нихъ печатно, но душу его они волновали глубоко, а главное потому, что всѣ эти исканія были явно предвзятыми и откровенно невѣжественными.

Я помню на одномъ изъ соборовъ (кажется 1909 г.) покойный архі-

епископъ лично взялся обвинять его въ ересяхъ по поводу его разсужденій въ журналѣ „Церковь“ о первыхъ дняхъ творенія и въ особенности напиралъ на ересь въ его взглядѣ на продолжительность жизни земли, движенія ея вокругъ солнца и т. п. Нападки эти были такъ беспочвенны, невѣжественны и притомъ настолько назойливы, что въ концѣ разсужденій соборяны на эту тему еп. Михаила довели до такого состоянія, что онъ въ ужасѣ великаго отчаянія воскликнулъ, что онъ просто не знаетъ что сказать на эти бессмысленныя обвиненія. А когда нѣкоторые изъ болѣе мыслящихъ соборяны стали его успокаивать и просить не принимать это горячо къ сердцу, тогда онъ съ пафосомъ глубокой скорби воскликнулъ:— „Во мнѣ все отмерло!.. Я не чувствую себя живымъ. Оторвалось что-то. Душа отболѣла.“

Это были слова такой глубокой скорби и благороднаго негодованія на невѣжественную дерзость людей, что смыслъ ихъ трудно передать человѣческимъ языкомъ. Ихъ можно только почувствовать... Они до сихъ поръ звучатъ въ моемъ сердцѣ и забыть ихъ я никакъ не могу. Но думаю, немногіе ихъ поняли тогда и тѣмъ болѣе забыли теперь.

Само собою разумѣется, что архіепископъ его не понялъ и лишь только согласился на то, чтобы назначить нарочитую Комиссію для „отысканія ересей“ въ сочиненіяхъ епископа Михаила, которыя и представить слѣдующему собору.

Что это была за Комиссія и какъ она „отыскивала“ ереси за еп. Михайломъ, очень характерно описалъ Киръ Иннокентій въ № 1 журнала „Старообрядческая Мысль“ за 1911 г. въ шуткѣ подъ названіемъ „Засѣданіе Комиссіи по дѣлу еп. Михаила“.

Въ этой ѣдкой шуткѣ выражена весьма горькая правда: взялись люди судить о томъ, чего сами не понимаютъ. Къ чести Комиссіи — она такъ и „закрылась навсегда“, какъ сказано въ этой шуткѣ, не вынеся никакихъ постановленій. Но вѣдь дѣло этимъ не кончилось, оно въ этомъ-же самомъ духѣ продолжалось до самой печальной кончины блаженнаго еп. Михаила.

Время шло, ереси продолжали „отыскивать“ и оглашать ихъ печатно. Чуть-ли не съ этою нарочитою цѣлью былъ и созданъ архіепископомъ Іоанномъ журналъ подъ названіемъ „Старообрядческій Пастырь“ (въ шутку называемый „Старообрядческій пластырь“), сданный подъ водительство яраго противника еп. Михаила священника о. Г. Карабиновича.

Невзирая на то, что задиранія о. Карабиновича игнорировались въ началѣ долгое время, онъ тѣмъ не менѣе съ великою настойчивостью, достойною лучшаго назначенія, продолжалъ свои обвиненія еп. Михаила въ томъ, въ чемъ повиннымъ быть тотъ и не думалъ. Какъ образецъ характерности обвиненій въ еретичествѣ еп. Михаила, можно указать на такой фактъ: въ помянутомъ журналѣ была помѣщена фотографія еп. Михаила, идящаго на садовой скамейкѣ рядомъ съ нѣкимъ голгофскимъ христіанизмомъ Абрамовымъ (еще въ бытность его въ господствующей церкви)—это

по мысли о. Карабиновича должно служить ясною уликою того, что еп. Михаилъ и самъ голгофскій христіанинъ. Ну, а спросить-бы о. Карабиновича:

— На изображеніяхъ перваго вселенскаго собора пишутъ совмѣстно со свв. отцами и Арія еретика, и Евсевія и др. — что-же, стало-быть, и святыя отцы еретики?!

Вотъ такого рода и вообще доказательства обвинителей вл. Михаила.

Но вѣдь они душу-то обвиняемаго мучили. Клади на него отпечатокъ тяжести.

Собирались соборы. Епископа Михаила на нихъ не приглашали и дѣла его къ слушанію не назначали. Это тоже убивало покойнаго.

И вотъ мало-по-малу—душа его заболѣла и болѣзнь развивалась медленно, но вѣрно.

Душа жаждала дѣланія, а дѣланія люди не давали. Душа жаждала пользы человѣку-брату, а на эту жажду отвѣчали тяжелыми ударами по уму, сердцу и самой душѣ.

Онъ бросилъ среду господствующихъ, какъ среду чуждую дѣла Христа и пришелъ къ намъ съ открытой душою, съ тою-же жаждою послужить добру, правдѣ, принести посильную пользу церкви Христовой, но и здѣсь завистливое невѣжество ополчилось противъ него, изгнало его изъ своей среды, заставивъ скитаться по чужимъ краямъ и дѣлать дѣло Христова только украдкою какъ-бы, какъ-бы насильно навязывая доброе человѣку.

Это были удары, которые вызвали неврастенію, а она помѣшательство, а это послѣднее смерть подъ ударами ломовыхъ извозчиковъ, тѣхъ дѣтей народа, которому онъ посвятилъ всѣ свои способности и радости жизни. За всѣ жѣрты, которыя онъ добровольно принесъ на благо народа — онъ получилъ въ награду переломъ реберъ и ключицы, простуду и мытарства въ больницѣ.

Гнало его государство, іерархія церкви господствующей, іерархія нашей церкви, изувѣчилъ его народъ простой, и интеллигентъ врачъ больницы своимъ невниманіемъ добилъ его. Однимъ словомъ: человѣкъ во всѣхъ своихъ видахъ благородныхъ и грубыхъ, просвѣщенныхъ и темныхъ — отблагодарилъ его такъ, какъ всегда человѣкъ благодаритъ великихъ людей.

Вся жизнь его была тяжелымъ крестоношеніемъ, а смерть—это своего рода голгофа.

Но воля Провидѣнія все-таки милосердна: пославъ ему тяжкія испытанія въ жизни, она милосердуя привела его къ блаженному покою среди пастырей церкви, послужить которой онъ жаждалъ, и я вѣрю, что нынѣ душа его, стоитъ предъ престоломъ Всевышняго, очищенная, убѣленная, свѣтозарная, примиренная со всѣми и молитъ Всевышняго простить его гонителей и уврачевать ихъ мрачную душу свѣтомъ правды Христовой.

Да будетъ ему вѣчная память и блаженный покой!

Н. Зенинъ.